

— Арахис уже посажен, картофель тоже высажен, если ухаживать хорошо, то даже без теплицы можно собрать два урожая в год, — размышлял Лю Яоцин. — Дикая горная ягода растёт быстро, через месяц уже зацветёт, так что и на горе её можно посадить побольше. Большую жгучую траву тоже посадим по кругу, ведь когда на горе станет много хорошего, обязательно найдутся те, кто будет зариться, особенно хорьки.

— Хорошо, — Чжэцзы-гэ всё записал и кивнул. — Цин-гэр, а когда мы назначим помолвку?

— Потом выберем день, пригласим людей выпить, и всё, — сам Лю Яоцин улыбнулся, говоря это. — Сейчас у меня много одежды, которую ты купил, да и деньги, заработанные на горе, тоже у меня. Так что помолвка — это просто формальность.

Но даже если это формальность, только после её официального заключения можно будет чувствовать себя спокойно.

До нового года Лю Яоцин считал, что он ещё слишком молод, чтобы думать о помолвке, но кто бы мог подумать, что он переедет на гору, а Чжэцзы-гэ последует за ним, и это уже почти как помолвка.

Факты говорят сами за себя, и Лю Яоцин больше не будет настаивать на том, что он слишком молод.

Чжэцзы-гэ так хорошо к нему относится, почти во всём уступает, и Лю Яоцин чувствует, что ему не на что жаловаться. Даже если собрать всех мужчин из окрестных деревень, городков и уездного города, вряд ли кто-то сравнится с Чжэцзы-гэ.

Что тут ещё можно сказать?

С посадкой арахиса справятся Хань Да и другие, помощи деревенских больше не нужно. В этот день Лю Яоцин снова залёживался в постели. Дни становились всё теплее, но ему всё меньше хотелось вставать, и он мечтал проспать до самого вечера.

Чжэцзы-гэ уже нагрел одежду, положил её под одеяло, чтобы было тепло, и стоял перед лежанкой:

— Цин-гэр, вставай, сегодня деревья уже выпускают почки, пойдём посмотрим.

— Ты принеси мне ветку, и я посмотрю, — Лю Яоцин остался непреклонен.

— Сейчас на улице клубника уже хорошо растёт, может, пойдёшь посмотреть? — Чжэцзы-гэ сдался и сменил тему.

Лю Яоцин перевернулся на другой бок, спиной к Чжэцзы-гэ, и тихо пробормотал:

— Пока что клубнику есть не хочется.

Снаружи вбежал Син-гэ, увидел, что Лю Яоцин всё ещё в постели, и удивился:

— Цин-гэр, как ты такой ленивый, ещё не встал? Снаружи какой-то мужчина тебя ищет, говорит, что дело важное, попросил мне тебе передать.

— Хорошо, понял.

Теперь придётся вставать.

Подавая Лю Яоцину тёплую одежду, Чжэцзы-гэ вдруг сказал:

— Цин-гэр не ленивый.

— Да, я очень трудолюбивый, — Лю Яоцин тоже кивнул.

Одевшись и умывшись, Лю Яоцин увидел, что Чжэцзы-гэ уже прибрал лежанку, постелил циновку, поставил низкий столик, и теперь можно было сидеть и греться.

Чай Ци, войдя, увидел, как Чжэцзы-гэ сидит на лежанке и что-то поправляет, а Лю Яоцин сидит на краю, зевая, словно никогда не прикасался к работе. Сердце Чай Ци сильно забилося, и он улыбнулся:

— У меня действительно дело, очень важное.

— Хорошо, говори, если смогу помочь — помогу, если нет — значит, нет, — Лю Яоцин снова зевнул.

При Чжэцзы Чай Ци не осмелился прямо сказать, что император прислал его купить клубнику.

Не знаю почему, но даже несмотря на то, что раньше он почти не общался с Чжэцзы, и даже впервые встретил его только в деревне Шангу, Чай Ци всегда чувствовал, что Чжэцзы страшный. Даже несмотря на то, что он сам был на войне, пролил немало крови, и его сердце наполовину почернело, он всё равно не осмеливался вести себя перед Чжэцзы как попало.

Без видимой причины, без предупреждения, Чай Ци чувствовал, что должен вести себя смиренно.

Не осмеливаясь говорить прямо, он начал мямлить.

Лю Яоцин, будучи умным человеком, сразу понял, что к чему, и сказал:

— Потом попрошу кого-нибудь отвезти несколько коробок, вместе с огурцами, в уездный город, попрошу уездного начальника Ду помочь.

— Уездный начальник Ду? — Чай Ци знал только одну семью Ду, и если кто-то из них что-то говорил, вся столица содрогалась. Кажется, у них были не очень хорошие отношения с императором, и в последнее время всё становилось только хуже.

— Да, это тот самый. У него есть связи, — Лю Яоцин не знал всех этих деталей, но это не мешало ему прямо попросить уездного начальника Ду о помощи, и тот с радостью согласился.

Осторожно взглянув на выражение лица Чжэцзы, Чай Ци не показал своих эмоций, но внутри его охватила буря.

Член семьи Ду, занимающий должность простого уездного начальника, даже если это боковая ветвь, не должен был быть таким. Видимо, император хранит много секретов, которых Чай Ци не знает, и это делает деревню Шангу ещё более загадочной. Кажется, уездный начальник Ду специально остался в уезде, чтобы помогать Лю Яоцину или Чжэцзы.

Если копнуть глубже, уездный начальник Ду оставался в маленьком уезде столько лет, а деревня Шангу всё это время была ничем не примечательной. Ни Чжэцзы, ни Лю Яоцин не были известны, так как же уездный начальник Ду смог продержаться так долго? Было ли так, что кто-то уже всё понял?

Выйдя из дома на горе, Чай Ци был весь в поту. Он думал и думал, но не мог остановиться, и в конце концов, словно убегая, спустился с горы и побежал в поле, усердно работая, словно только так он мог доказать свою полезность и не быть выгнанным.

— Чжэцзы-гэ, я хочу овощей, чувствую, что их не хватает, — Лю Яоцин лежал на лежанке, скучая, закинув ногу на ногу.

— Какие овощи ты хочешь? — Чжэцзы-гэ безропотно подошёл, держа тёплую тряпку, чтобы вытереть руки Лю Яоцину, который только что ел помидоры, и на руках остался сок.

— Любые.

— Салат из огурцов подойдёт? — спросил Чжэцзы-гэ.

— Слишком холодно, не хочу.

— Тогда тушёная капуста сун с постным мясом?

— Слишком жирно, не хочу.

— А что ты хочешь?

— Любые овощи.

После этого Лю Яоцин замолчал, покатился внутрь лежанки и начал мять Мао Бай, толстую птицу, которую он разбудил, но она всё ещё спала!

Чжэцзы-гэ сдался, приготовил немного всех имеющихся овощей, попросил Ли-ши помочь приготовить, и поставил всё на стол. В итоге Лю Яоцин не съел ни одного зелёного овоща, только немного помидоров с яйцами.

Вечером Лю Яоцин неожиданно позвал Син-гэ переночевать, а Чжэцзы-гэ отправил в свою комнату.

Однако Син-гэ встал ночью и встретил Чжэцзы-гэ, и они поменялись комнатами. Утром Лю Яоцин проснулся поздно, думая, что Син-гэ всю ночь спал здесь, и, увидев Чжэцзы-гэ перед лежанкой, немного нахмурился.

— Сегодня помолвка, будем всех угощать, ты рад? — спросил Лю Яоцин.

Конечно, он был рад, но, взглянув на выражение лица Лю Яоцина, Чжэцзы-гэ не осмелился сказать это, сжав губы.

Увидев такое поведение Чжэцзы-гэ, Лю Яоцин сказал:

— Что, ты не рад?

— Нет, я очень рад, — поспешно ответил Чжэцзы-гэ.

— Вот и хорошо, — Лю Яоцин кивнул, но через некоторое время сам начал сомневаться. Хотя он уже давно принял идею быть с Чжэцзы-гэ, он всё ещё был молод, и всё это казалось слишком ранним. Если они официально помолвятся, то Чжэцзы-гэ будет жить в его комнате открыто.

Оба они мужчины, и по утрам неизбежно возникают определённые реакции, да и Лю Яоцин иногда смотрит на Чжэцзы-гэ и не может удержаться, чтобы не поцеловать его, и всё это может привести к неприятностям.

Если они оба не сдержатся, то страдать будет именно Лю Яоцин.

С тех пор как он переехал на гору, Лю Яоцин хорошо питался, одевался и почти не работал, всё делал Чжэцзы-гэ, и его кожа стала нежной, так что даже лёгкое нажатие оставляло красный след.

Если всё будет слишком бурно, Лю Яоцин чувствовал, что ему будет очень больно.

Хотя он был рад помолвке, каждый раз, когда он думал о том, что они могут не сдержаться, Лю Яоцин снова начинал беспокоиться, видя, как Чжэцзы-гэ ведёт себя спокойно, понимая, что тот не хочет его расстраивать. Но чем больше Чжэцзы-гэ его баловал, тем больше Лю Яоцин находил в нём недостатков.

Возможно, только такая безусловная снисходительность могла вызвать у всегда осторожного Лю Яоцина желание немного покапризничать. Но даже в этом случае Чжэцзы-гэ продолжал баловать его, словно если Лю Яоцин проделает дыру в небе, Чжэцзы-гэ встанет над ней и закроет её, став его небом.

Вот такой человек, как Чжэцзы-гэ, действительно редок.

Для других помолвка — это важное событие, но отношения Лю Яоцина и Чжэцзы-гэ уже были более тесными, чем помолвка. Они просто объявили о помолвке, Ли-ши и Лю Цюаньцзинь обсудили с Третьим дядей Цинь дату, и, как раз перед большим праздником, всё было решено.

<http://bllate.org/book/16688/1532131>